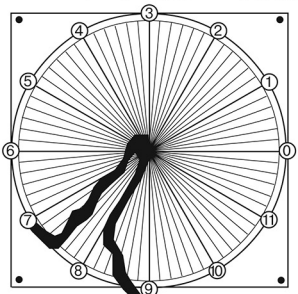
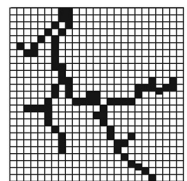
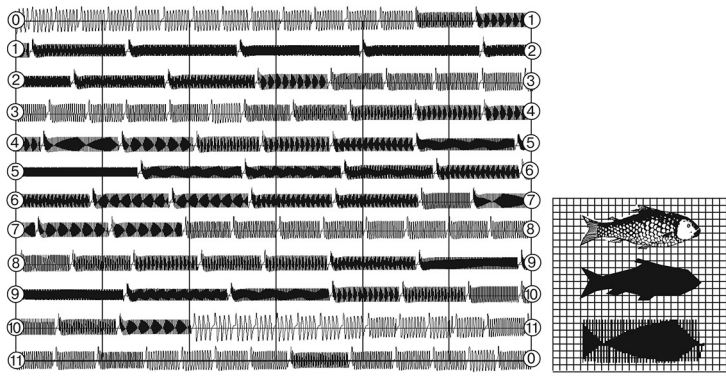
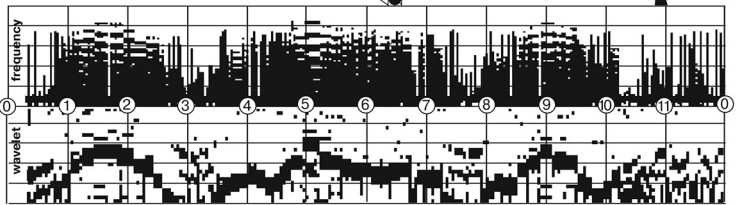
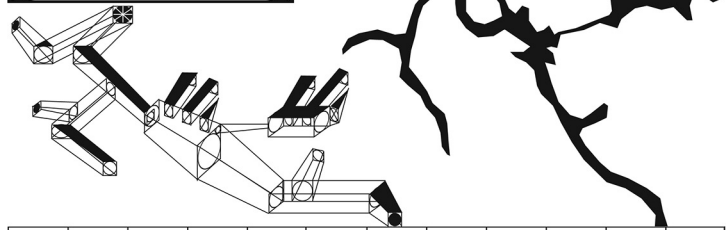

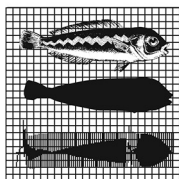
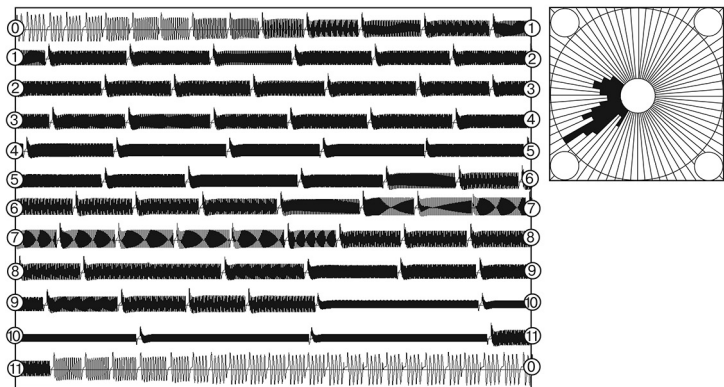
Содержание

Преамбула	16
Глава 01. Рождение навигации	20
Глава 02. Таблица Гмелина	27
Глава 03. Водоходные машины и вечный двигатель	34
Глава 04. Летающий поезд Льюиса Кэрролла	42
Глава 05. Лошади архитектора	54
Глава 06. Числовод мысли	62
Глава 07. Радиоландшафт в эпоху НЭПа	72
Глава 08. Иконостас и энтелехия гусеницы	82
Глава 09. Экспедиция остроумов	90
Глава 10. Волжский альбом Максима Дмитриева	100
Глава 11. Заволжская океания Павла Кузнецова	111
Глава 12. Волны жизни	119
Глава 13. Фазовый портрет академика Андропова	127
Глава 14. Нижегородская Луна и инопланетный разум	135
Глава 15. Третья идея академика Сахарова	159
Глава 16. Пушкин, Шиллинг, Гамель и юбилейные даты	167
Глава 17. Гроза и греза	187
Глава 18. Потаенный Китеж живописца Кустодиева	194
Глава 19. Речные прописи	206
Глава 20. Репортаж с русского Нила	219
Глава 21. Фрески и росписи	229
Глава 22. Ступени общего дела	244
Глава 23. Воображаемый музей Волги	253
Глава 24. Волга как внутреннее море	273
Благодарности	287
Труды и дни Евгения Стрелкова	288
Примечания	296

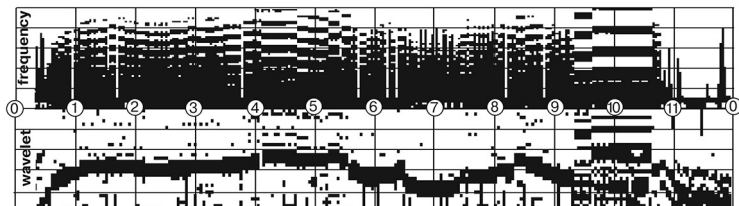
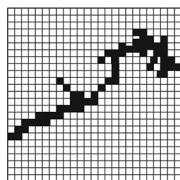
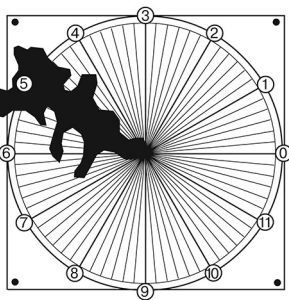

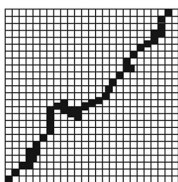
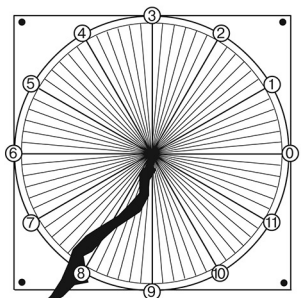
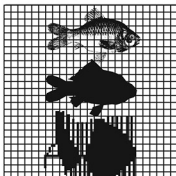
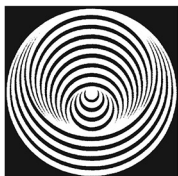
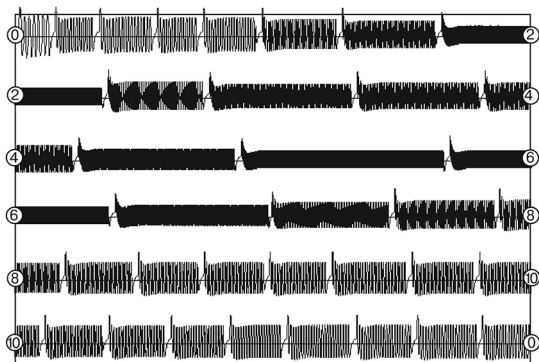
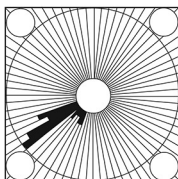
вазуское
водохранилище
vazuza
reservoir

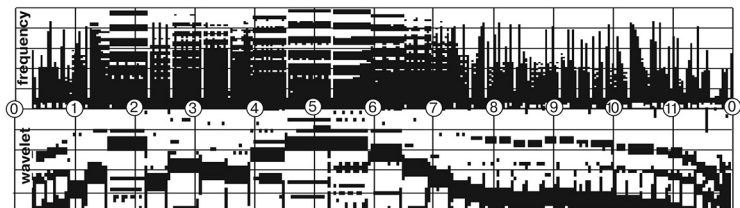

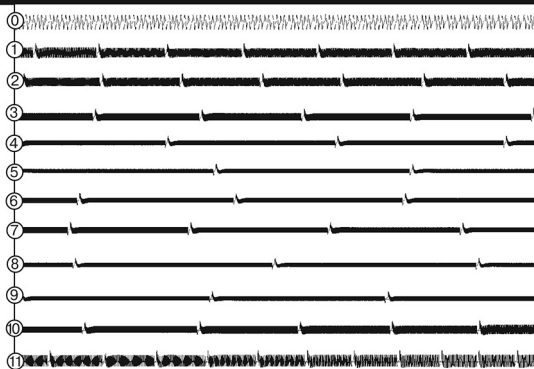
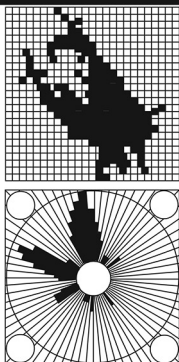
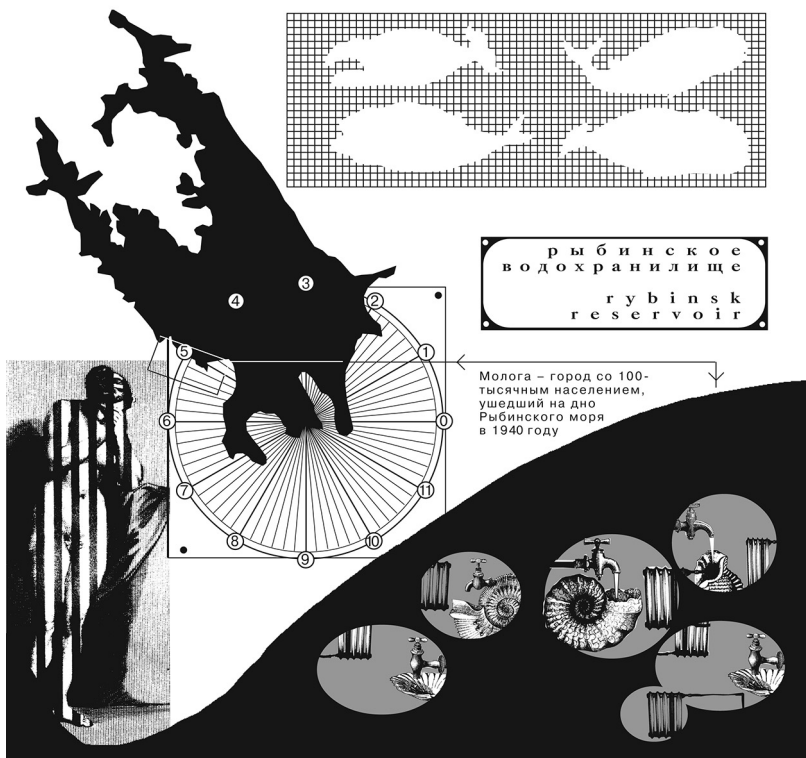
иваньковское
водохранилище
ivan'kovo
reservoir

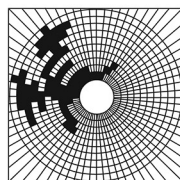
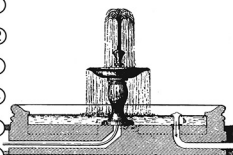
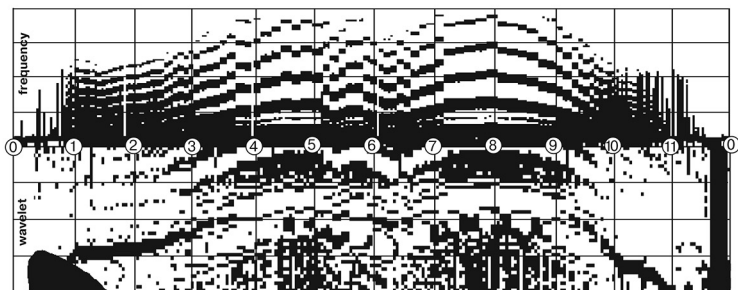

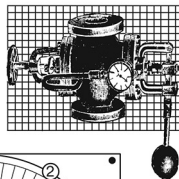
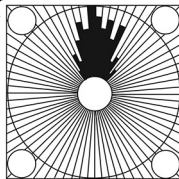
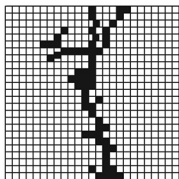
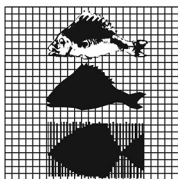

угличское
водохранилище
uglich
reservoir

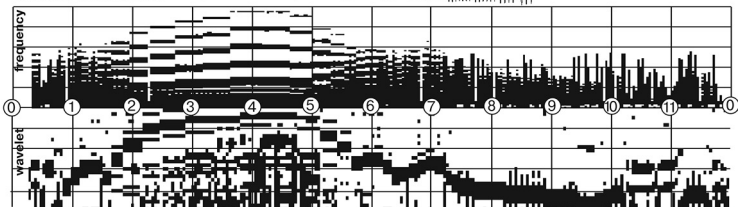
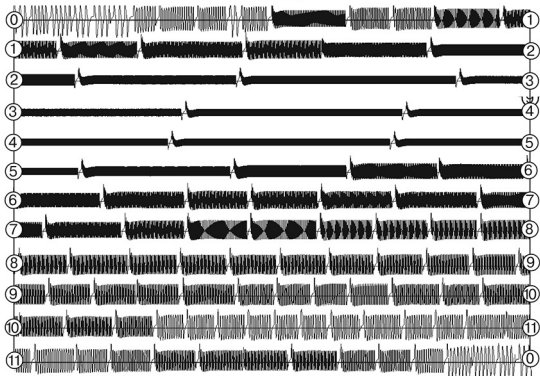
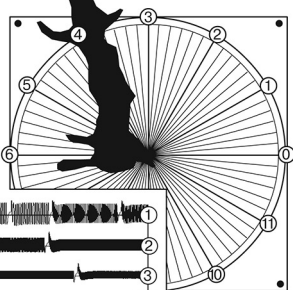

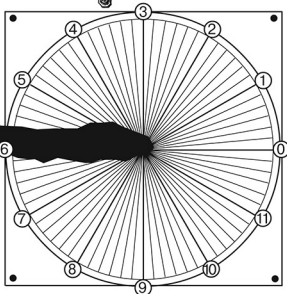
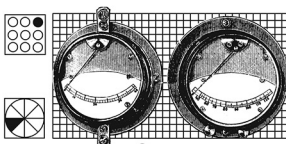
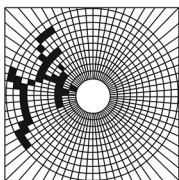

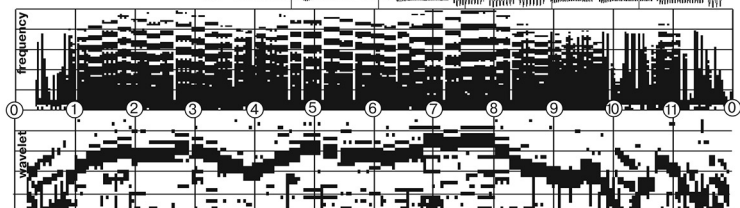
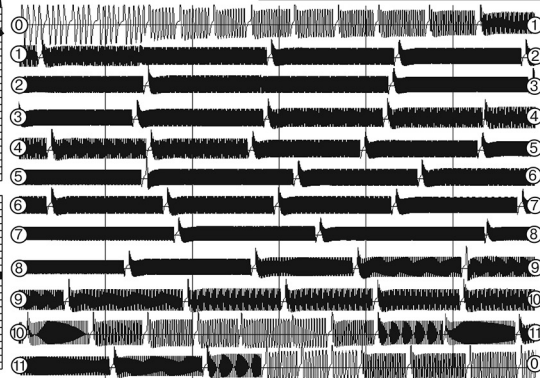
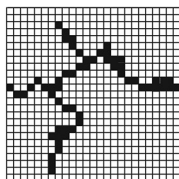
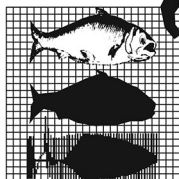

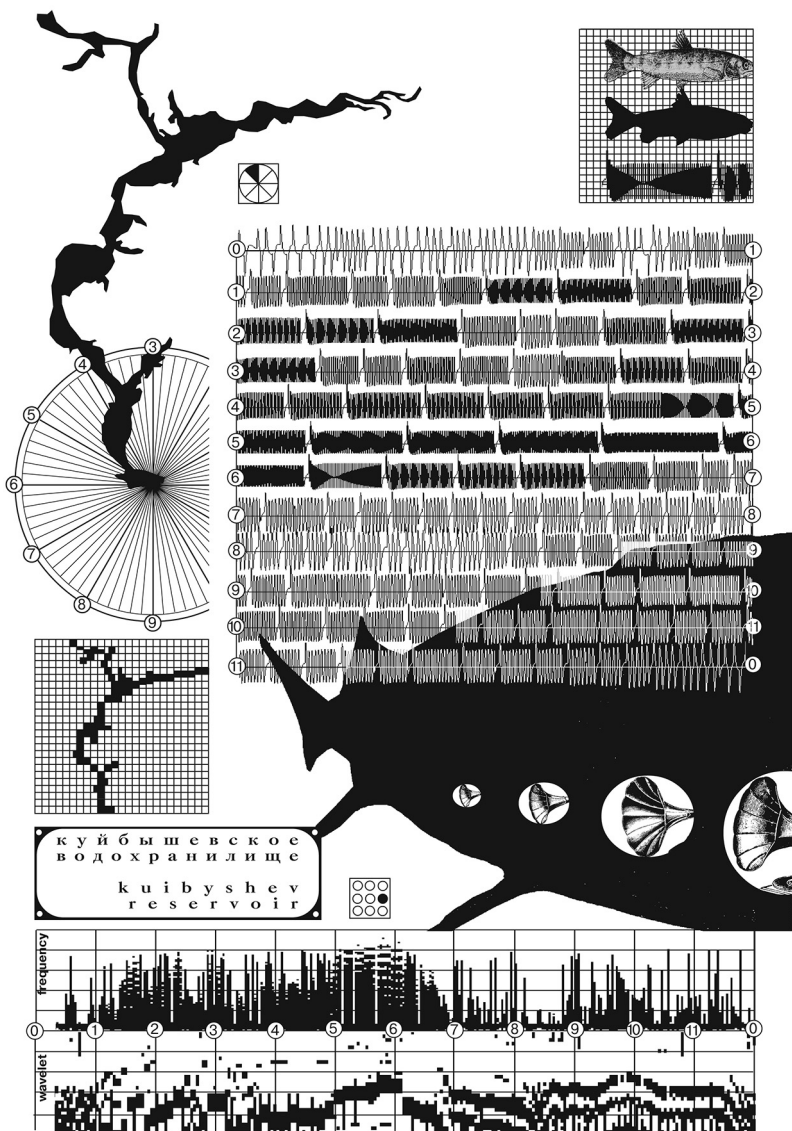
горьковское
водохранилище
gorky
reservoir

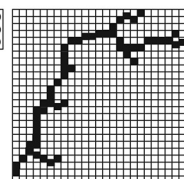
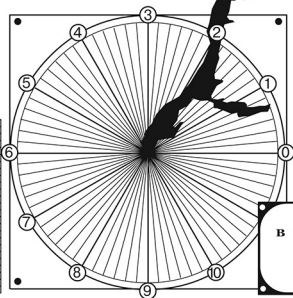
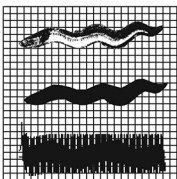
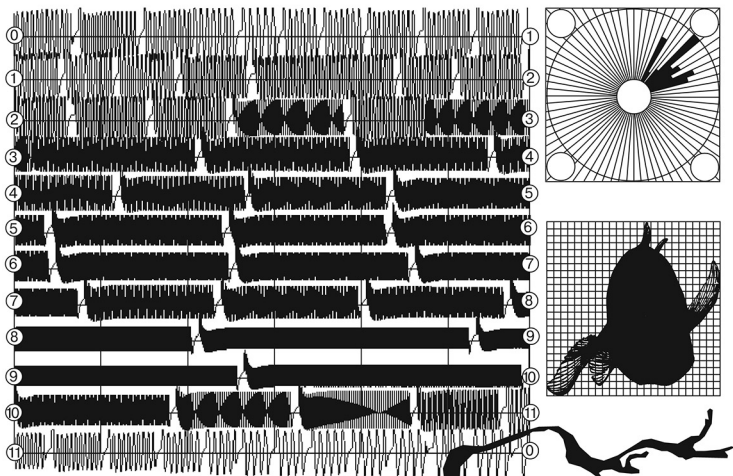

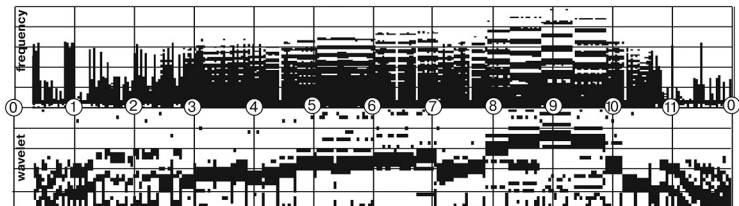
чебоксарское
водохранилище
cheboxary
reservoir

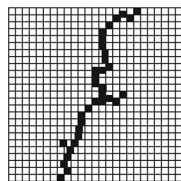
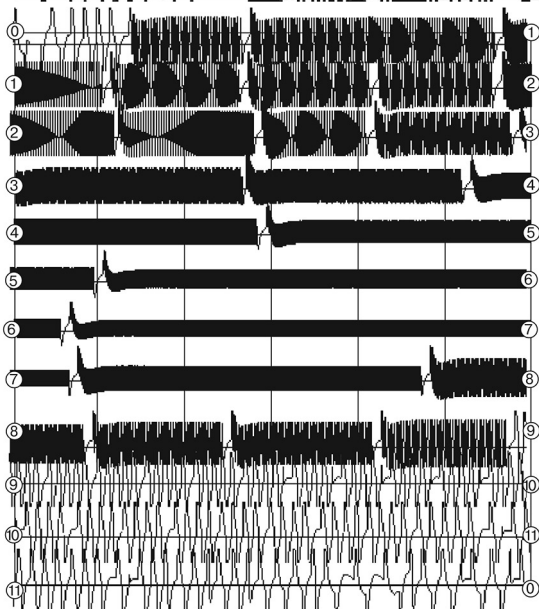

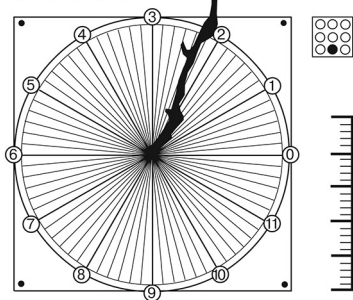
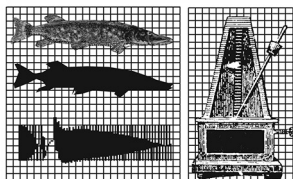

саратовское
водохранилище
saratov
reservoir

волгоградское
водохранилище
volgograd
reservoir

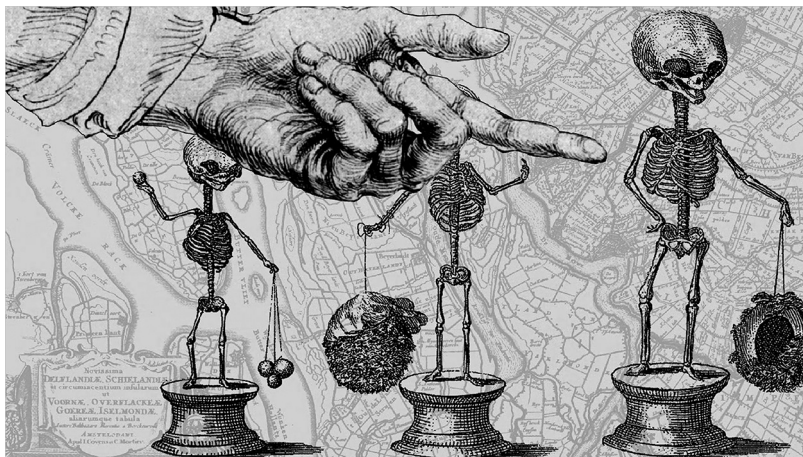
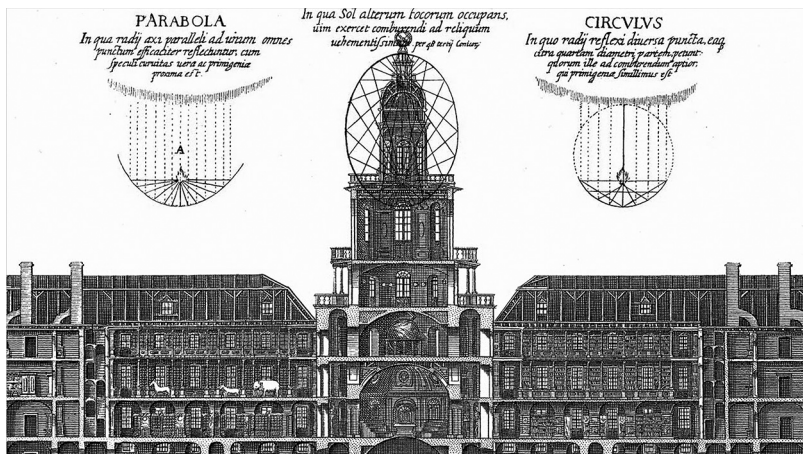
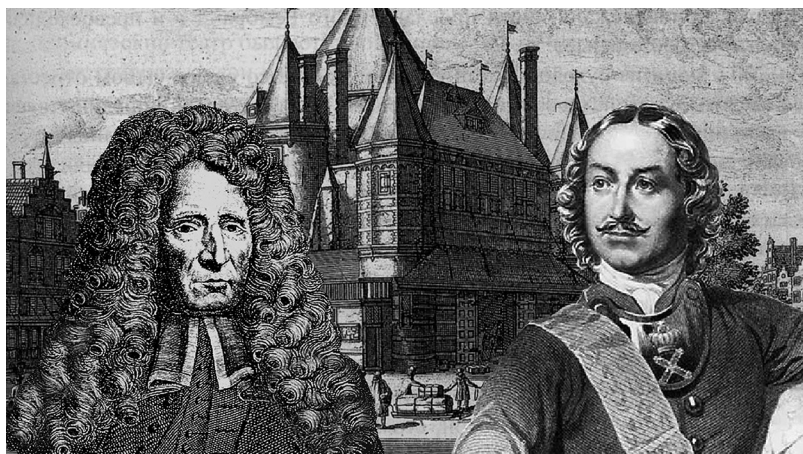
Преамбула

«Формула Волги» — попытка описать особенности волжского обитания, расставить метафизические вешки по берегам реки, обозначить ими символический фарватер и обрисовать ключевые для автора фигуры исследователей волжского мира.

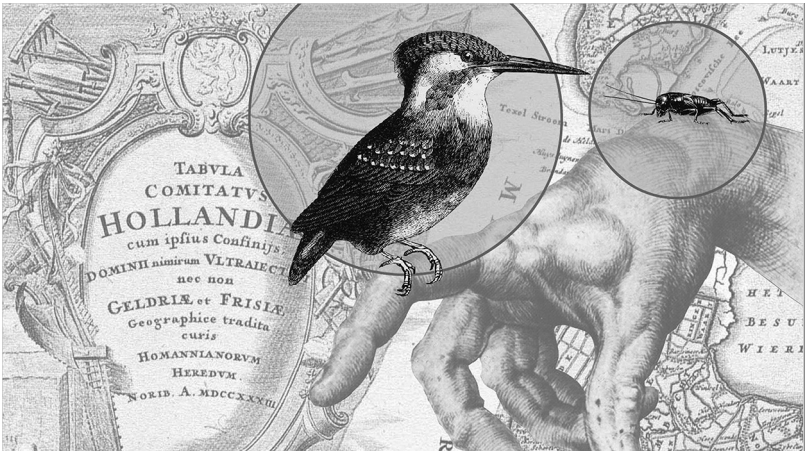
Описание неизбежно дырчато — как рыбацкая сеть, — да и улов весьма случаен. Многие годы автор собирал камешки волжской истории, находя их в путевых дневниках, мемуарах, монографиях, энциклопедиях и манифестах. Его особо привлекали визуальные образы Волги, запечатленные ее художниками и хроникерами в зарисовках и фотоснимках, картах и таблицах. Да и сам он постоянно умножал найденные у предшественников образы в графических коллажах, «книгах художника», анимационных фильмах, ландшафтных инсталляциях и тематических выставках, ставших своего рода палимпсестами — сквозь верхние записи проступает потаенное и полузабытое. Эти художественные опыты, сделанные в негласном соавторстве через времена и пространства, будут здесь не раз упомянуты. Они же составят основу иллюстративного ряда, потеснив (или вовсе исключив) материал, легко доступный в интернете, — по поводу последнего есть возможность рассчитывать на читательское любопытство.

Автор отказался от постраничных сносок с указанием на источники цитат, чтобы сохранить легкость повествования, его разговорную доверительность. Необходимые «лирические отступления» вынесены в конец книги; эти ссылки, часто пространные, оформлены как своего рода приложения. Не исключено, что где-то в текст вкрались

неточности—рассуждая, например, о производстве технических масел, автор, не будучи инженером-технологом, может ошибиться в деталях,—и за это он заранее приносит извинения. Хочется надеяться, что неакадемичность изложения имеет и положительные стороны, а то, что человеку свойственно ошибаться, замечали еще древние.

(к главе 01) Кадры из фильма «Кабинет диковин Фредерика Рюйша и Кунсткамера Петра Великого» (2017)

Рождение навигации

При Петре Великом в обиход вдруг вошли новые слова: губернатор, префект, бургомистр, ассессор, аудитор... Царь спешил изменить мир, данный ему во владение, накрепко связать Россию с Европой. Перемены следовало ускорить всеми способами, и в 1715 году в Петербурге была запрещена постройка мостов — чтобы горожане научились пересекать протоки Невы под парусами (с закреплением в последующих поколениях инстинкта мореплавания).

Воспитание природы, в том числе и человеческой, — извечная практика отечественных реформаторов. Эта практика аукнется нам через три века после Петра замораживанием семян с целью выведения морозоустойчивых сортов в бредовых замыслах Лысенко или, скажем, переливанием крови для омоложения организма в опытах Богданова. Благотворного бреда хватало и при Петре. Так, по преданию, нижегородский губернатор Измайлов, опасливо глядя на новую столицу, приказал сжечь единственный мост через Оку, исправно служивший соединению нагорного центра с заречной ярмаркой. Сожгли мост с той же целью: прививать жителям водоплавание. И нижегородские купцы вынуждены были учиться судоходному делу, переправляясь в Кунавинскую слободу на самодельных плотках и баркасах. Река Ока как-то поддавалась навигации, о плавании поперек Волги сухопутные нижегородцы и не помышляли: слишком широка.

Царю же реки не давали покоя, он стал поворачивать их русла. Его замыслам есть и прообразы (водные потоки завораживали Леонардо, а родившийся в Париже

«хитроумный» Луи де Фуа в 1572 году перенаправил русло реки Адур), и рифма — уже советских времен: волжский гидрокаскад, превративший живую бодрую реку в цепь пережатых бетонными путами полуморей-полуболот. С этой бедой мы, волжане, живем со времен сталинской индустриализации. Каким-то чудом избежали похожей участи сибиряки — на грандиозных планах по переброске вод сибирских рек (для орошения засушливого Юга) советская империя почилала...

Но вернемся к Петру и его затеям. Царь начал работы по соединению верховьев Оки и Дона Ивановским каналом под Тулой; там Епифанские шлюзы проектировал заграничный инженер Вильям Перри. Другой грандиозный проект Петра — устройство судоходного канала между Волгой и Доном под Царицыном. На обе стройки сгонялись тысячи людей, в том числе и нижегородцев. Не сказать, что подданные были в восторге от петровских нововведений, требовавших для реализации огромных средств, а значит, и налогов — «с дыма», «с бани», «с тына», с любой переправы через речку при поездке крестьянина на базар, «с лотка» и «с прилавка» на базаре. Но что-то прививалось, закреплялось... С самого начала XVIII века в документах упоминается строительство казенных пильных мельниц по рекам Пьяне, Ваду и Суре к югу от Нижнего Новгорода. Ну а где доски, там и верфи; доски везли в Петербург и в Казань, а потом стали строить дощатые суда поближе, в Балахне.

Вскоре деятельный Петр основал новую столицу «в чухонских болотах» на берегах широкой Невы (тема воды, рек, болот, водных путей будет сквозной в нашей книге). Царь развязал Шведскую кампанию и получил вдобавок к внешней войне внутреннюю — восстание Кондратия Булавина. Восстание это весьма потрепало и Поволжье: бунтовщики взяли с боем Балахну, бродили вдоль Волги

вблизи Нижнего. Царь же снимал по всей стране церковные колокола и переплавлял их на пушки, а в Балахне вскоре стал строить военный флот — галеры и баркасы. Полтавская виктория привела в Нижний тысячу пленных шведов; те из них, что были с инженерными навыками, пригодились для «шлюзовых работ» под Тулой и в Царицыне, а также для рытья шекснинского канала, связавшего Волгу с Балтикой.

Справившись с внешним супостатом Карлом и с внутренним бунтовщиком Булавиным, царь занялся административной реформой. Нижегородские земли поначалу вошли в Казанскую губернию, а с 1714 года образовали самостоятельную губернскую единицу. Росло число чиновников — ведь царь пытался регулировать все и вся. Оклады их были низкими, что вызывало коррупцию, достигшую в петровское время чудовищных масштабов. Не доведя до конца губернские реформы, царь вновь бросился воевать — теперь с Персией. Запланированный Петром каспийский поход вызвал постройку судов по всей Верхней Волге. Тогда и в Нижнем Новгороде, месте войскового сбора в Персидскую кампанию, было построено 15 гекботов по столичным чертежам. Царь лично возглавил флотилию, вышедшую из Москвы. Его сопровождали жена Екатерина и француз-художник для портретирования царской четы и для снятия по пути планов с местности. Плыли с Петром и заграничные ученые, большей частью зоологи и ботаники. Захватили с собой и типографский станок. Прибыв в Нижний по Оке, царь отпраздновал здесь свое пятидесятилетие и занялся достройкой кораблей. Отдельным указом он приказал конопатить суда, чтоб те могли ходить и в море. А суда старой конструкции, что традиционно мастерили в Балахне, в устье Керженца и на Черной речке в низовьях Оки, по прошествии двух лет приказал «изсечь». Выписав в Нижний

мастеров из Петербурга, царь завел здесь производство якорей и якорных цепей. Наконец, все устроив, Петр отбыл вниз, к Каспию. А суда в Балахне и в устье Оки продолжали строить — и строили еще многие десятилетия.

Хорошо известно, что Петр учредил Академию наук, основал Кунсткамеру (первый отечественный музей), стал издавать газету «Санкт-Петербургские ведомости», где, в частности, была помещена заметка о предстоящем 1 мая 1706 года солнечном затмении. Нижегородский воевода Леонтьев по-своему попытался донести эту газетную новость до народа, но народ не поверил. Тогда градоначальник решил устроить парад и праздник в день затмения. Однако, когда после ружейного залпа божий свет вдруг померк, толпа пришла в ужас и разбежалась по домам.

Потребовалось просвещение — и при Петре возникли цифирные и навигационные школы, обсерватория, Морская академия и аптекарский огород, были отправлены экспедиции на Дальний Восток и в Азию (Беринг, Чириков, Миллер, Гмелин, Крашенинников, Стеллер, Красильников...). Но самой провинции, нижегородской в том числе, научные инициативы Петра коснулись мало.

Другое дело, что при Петре детальной регламентации подверглись не только внешний облик провинциалов (сбритые бороды, немецкое платье), но и вся общественная жизнь — от кулачных боев и свадеб до этикета в семье и правил посещения церкви. Однако вследствие почти непрерывных войн, великихстроек и чрезмерных поборов население империи уменьшалось числом, нищало и теряло всякую инициативу. Напрасно власти призывали нижегородцев заводить мануфактуры, обещая всяческие привилегии, — охотников почти не находилось. Наследники царя-преобразователя чуть ослабили налоговую хватку, в Нижнем появились первые небольшие предприятия вроде заявленной в 1736 году суконной фабрики Якова

Пушникова. Но после недолгих разбирательств эта фабрика была признана подложной, так как никакого товара там не производилось — просто не умели.

При Елизавете Петровне возникла мысль одеть армию в отечественное сукно, и в Нижегородской губернии стали возникать небольшие суконные и полотняные фабрики, как правило в помещичьих усадьбах. Однако крепостные крестьяне не имели ни навыка, ни стимула (им часто вовсе не платили), так что мануфактурное дело шло ни шатко ни валко. Кроме выделки сукна, помещики заводили винокурни и маслобойни. Сам Нижний к середине XVIII века оставался небольшим городом, обитатели которого были заняты торговом и отчасти ремеслами. Как пишет краевед рубежа XIX–XX веков Дмитрий Смирнов, четыре толокняных завода, три солодовни, две пивоварни и кирпичный заводик полностью исчерпывали тогда нижегородскую индустрию. Но к концу XVIII века в ближайших к городу селах стали возникать мыловаренные, кожевенные, прядильные и крупяные заводы.

От неурожаев и нехватки пахотной земли произошло и обилие в нижегородских пределах промыслов по дереву, ткани и железу. Особенно славилось железным товаром Павлово-на-Оке — висячие замки, ружья, столовые приборы, перочинные ножи. Жители Павлова и окрестностей совсем забросили крестьянство и даже огородничество, для отдохновения от беспрестанного «стука» они разводили цветники в палисадниках и выращивали диковинные лимоны в горшках на подоконниках.

В Балахне и в устье Керженца продолжали строить речные суда, в селе Безводном на Волге тянули проволоку и ковали цепи, в Заволжье резали ложки и пряничные доски, в Лыскове мастерили сундуки — почти все промыслы продержались аж до двадцатых годов XX века. В промышленности выделялась Выкса и ее окрестности, где еще в 1760-х

были построены железоделательные заводы с прокатными станами. Владельцы заводов Баташевы подражались поставлять пушки для армии и якоря для флота, для гражданских служб отливали чугунные плиты и ковали решетки, а для населения производили всевозможную утварь — от чугунков и сковородок до ухватов и кос. До сих пор поражают воображение громадные зеркала баташевских прудов, образованных заводскими плотинами. В Выксу хозяева приглашали и иностранцев для внедрения индустриальных новинок вроде цилиндрических мехов, поршней и всевозможных редукторов. Но знающих людей все равно очень не хватало — и не только в железном деле.

Как уже было сказано, при Петре в Нижнем появилась цифирная школа для обеспечения нужд навигации и инженерного дела. Основным пособием в цифирных школах была «Арифметика» Магницкого, изданная довольно большим тиражом, — по этой книге и Ломоносов учился. В 1722-м нижегородская цифирная школа была закрыта, вместо нее открыли три школы при епископской кафедре, в том числе чтобы готовить миссионеров для Поволжья — крестить мордву и черемисов.

Но просвещение в провинцию шло из столицы, и одним из его флагманов был первый отечественный музей — Кунсткамера, где переплелись любимые царем Петром темы: мореплавание, заморские чудеса, разные науки. Сохранились старинные чертежи и планы фасадов и интерьеров петербургской Кунсткамеры, зарисовки ее экспонатов, портреты амстердамских аптекарей, у которых Петр приобрел их собрания диковин. Весь этот графический материал стал основой нашего фильма «Кабинет диковин Фредерика Рюйша и Кунсткамера Петра Великого», где, правда, Волги почти нет: она появится позже — в географических описаниях ученых-путешественников, отправленных учрежденной Петром Академией наук во все стороны отечества.